

Как только Гермиона проснулась, еще до того, как она открыла глаза, она поняла, что что-то изменилось. Вместо того чтобы проснуться под прохладными, хрустящими гостиничными простынями, как вчера утром, она оказалась в объятиях очень теплого, очень обнаженного спящего мужчины. Драко, если быть точным. Она приоткрыла веки и посмотрела сквозь ресницы. Она спала почти на нем, поэтому первое, что она увидела, была его грудь, бледная и красивая, как и все остальное тело. Ее щека была прижата к его обнаженной коже, как, казалось, и все остальное ее тело, а его рука обнимала ее за талию, прижимая к себе. Он был теплым и довольно тяжелым, но у нее не было желания вырываться. Его грудь довольно мерно поднималась и опускалась под ее щекой, так что она предположила, что он все еще спит. Охваченная любопытством и оттенком тайного торжества, она подняла голову, чтобы

посмотри на него. Его глаза были закрыты, полупрозрачные ресницы лежали на щеке, а выражение лица было расслабленным, беззащитным, что она так редко видела. Ее пристальный взгляд медленно скользнул по его лицу, поскольку она максимально использовала возможность совершенно открыто разглядывать его. Наконец она остановилась на его губах - этот полный изгиб нижней части тела, идеальный изгиб верхней - тот самый рот, который так тщательно исследовал ее тело в этой самой постели. Хорошо... она заглянула в другую комнату, ее взгляд остановился сначала на неубранном обеденном столе, затем на стене сразу за спальней и, наконец, на довольно безобидном на вид участке

ковра возле кровати.

"Там, там и там тоже", - вспомнила она с шокирующим ликованием.

"Где твоя чертова кровать, Грейнджер?" он зарычал, провожая их обратно через просторную гостиную. В этот момент она обвилась вокруг него, дергая за его

одежду, впиваясь ртом в его горло.

"В чертовой спальне", - выпалила она в ответ, на что он ответил сдавленным стоном и ущипнул ее за задницу. Он прижал их к стене - дважды! ...и несколько раз отвлекался на различные близлежащие поверхности, прежде чем они добрались до кровати, где она поддразнивала его по поводу его навыков соблазнения, и где, гораздо позже, она была вынуждена взять свои слова обратно.

Смеясь, задышавшись, она взяла все назад. И теперь, когда лучи раннего утреннего солнца проникали сквозь раздвинутые шторы, обнажая обнаженную кожу и скомканные простыни, она обнаружила, что не жалеет об этом. Она только что переспала со своим боссом. Она только что переспала с Драко Малфоем. И она не жалела об этом. Ни единого мгновения. Может быть, сожаление придет позже, размышляла она. Когда он открыл глаза, и ей пришлось придумывать, что сказать. Или когда им приходилось сидеть рядом друг с другом в душном конференц-зале Гуина, соприкасаясь коленями, и нарастало разочарование. Или в понедельник, когда он по той или иной причине вызывал ее к себе в офис, и ей приходилось слушать, как он разговаривает с ней, и изо всех сил стараться не вспоминать ощущение его рта на внутренней стороне ее бедра... Она провела рукой по его плоскому животу. Нет, сейчас ей это доставит удовольствие. Наслаждайся им. Наслаждаться той стороной себя, которую она долгое время отрицала. Намереваясь еще немного расслабиться, она снова уютно устроилась под одеялом.

накрывает, прижимаясь щекой к его груди. Но, будучи в душе прагматичной женщиной, она понимала, что не сможет оставаться в постели вечно - и ее тело упрямо отказывалось успокаиваться. Секс или нет, но они с Малфоем были в Марселе не просто

так, и по этой причине они должны были встретиться сегодня в девять часов утра. Она снова прислонилась к его груди, замерев, когда его рука на мгновение сжалась вокруг ее талии. Но его веки даже не дрогнули, и, уверенная, что его никто не

потревожил, Гермиона наклонилась над ним, чтобы посмотреть на маленькие часы на прикроватном столике.

Было почти четверть восьмого. К сожалению, слишком поздно, чтобы снова ложиться спать. Она задержалась еще на минуту, наблюдая за неуклонным движением стрелки часов, и заставила себя покинуть теплую постель. Но не было никаких вопросов, в которых она нуждалась

чтобы встать. Ей отчаянно нужно было принять душ - она была почти уверена, что ее волосы превратились в сплошную массу, стоящую дыбом на голове, настолько они были потными, - и, вероятно, было хорошей идеей заказать им что-нибудь на завтрак. Если судить по вчерашнему дню, то сегодня был бы еще один долгий, трудный день жарких переговоров. Она оглянулась на Малфоя, все еще дремлющего под ней. Он выглядел таким умиротворенным, обычная складка между его бровями полностью стерлась после сна (и, как она надеялась, проведенной с ней ночи), что ей пока не хотелось его будить. Кроме того, разбудить его означало бы поговорить о прошлой ночи, а она не была до конца уверена, что сможет справиться с этим совершенно обнаженной и прижатой к нему.

Но как распутать их конечности, не разбудив его? Она мягко убрала его руку со своей талии и отстранилась. Их горячая, влажная кожа прилипла к тому месту, где они были вместе, и ее тело почувствовало холод, опустошенность, когда она тихонько пересекла матрас и выбралась из постели. Она быстро приняла душ и оделась, высушила волосы и собрала их сзади в пучок. Она уныло уставилась на свое отражение в зеркале, когда большая часть волос вернулась обратно - она так хотела выглядеть безупречно и профессионально, когда они с Малфоем, наконец, обговорили это, - но поскольку даже самые сильные фиксирующие чары никогда не срабатывали на ней, придется обойтись этим. Она вернулась в спальню, но Малфой все еще был мертв для всего мира. Когда она выбралась из постели, одеяло было спущено до пояса, и она на мгновение остановилась, чтобы полюбоваться его обнаженным торсом. Она исследовала его ртом и пальцами в темноте, обнаружила длинные, похожие на хлыст, шрамы на его груди от проклятия, наложенного Гарри так давно, но бледный утренний солнечный свет сделал их более рельефными.

Это не имело значения. Даже покрытый шрамами, он был прекрасен. Она понаблюдала еще мгновение, затем покачала головой и ушла. "Нет смысла капризничать", - резко сказала она себе. Драко еще не проснулся, и Гермиона понятия не имела, как он отреагирует, обнаружив себя в ее постели - вспомнив, что произошло там всего несколько часов назад. Это было, мрачно осознала она, очень хорошее

есть шанс, что он придет в ужас.

От этой мысли ее слегка затошнило, и она протянула руку, чтобы опереться о спинку дивана. Ладно, вот и сожаление, подумала она. Мерлин, помоги ей, что она натворила? Зная, что ей нужно отвлечься, она начала собирать одежду, которую они с Малфоем оставили разбросанной по номеру. Его пиджак у двери, ее блузка под кофейным столиком... Затем в спальню, где она обнаружила свою юбку, зацепившуюся за спинку кровати, и лифчик, обернутый вокруг прикроватной лампы. Одному богу известно, где были ее трусики. Она убрала свою скомканную одежду в чемодан, подумав, что, поскольку они уезжают сегодня вечером, она могла бы начать собирать вещи быстрее, затем начала

складывать одежду Малфоя на стуле у туалетного столика.

- Упс, - пробормотала она, когда его куртка выскользнула из ее рук и упала на пол. Когда она подняла его, то увидела, что из кармана выпало несколько скомканных кусочков пергамента. Она тоже взяла их в руки, автоматически разглаживая складки и складывая их вместе. Она сразу узнала корявый почерк Малфоя - это была единственная неряшливая черта в нем, - но фирменного бланка не было, поэтому она предположила, что это, должно быть, личные записи. Она пошла складывать их обратно... но затем ее внимание привлекло имя на первом пергаменте. Любопытство взяло верх, и, бросив украдкой взгляд в сторону кровати, она разгладила ее обратно.

Оно было адресовано волшебнику из Министерства, одному из трех чиновников, с которыми она познакомилась во время собеседования на прошлой неделе. На мгновение она подумала, что это письмо может быть ее

рекомендацией или, по крайней мере, черновиком, но потом она прочитала дальше, и ее сердце упало. Она давно знала, что Драко был одним из ключевых корпоративных благотворителей Министерства - он заявлял о пиар-целях; она всегда подозревала, что это была скорее форма личного искупления, -

но никогда точно не знала, кому и куда уходили его деньги.

Но Малфой явно это сделал. И теперь он угрожал отозвать финансирование из любимого проекта этого конкретного волшебника, если только - и тут Гермиона застыла в шоке - если этот человек не проголосует за то, чтобы не нанимать ее. Сколько людей потеряют работу? в записке содержалось легкое недоумение. Как быстро вы это сделаете? Оцепенев, Гермиона перелистнула ко второму пергаменту. Это письмо было адресовано другому чиновнику министерства, единственной ведьме из группы собеседований, чей отдел, по-видимому, был

изо всех сил пытается найти финансирование для новой программы социального обеспечения. Ее глаза затуманились при виде суммы, которую предлагал Малфой, так что... пока женщина голосовала за то, чтобы не нанимать ее.

Третья нота была еще хуже. Гермиона задохнулась от ужаса, когда ее возлюбленный прошлой ночью спокойно сообщил последнему волшебнику на панели, что он полностью осознает свою

грязная внебрачная связь, у него были фотографии, подтверждающие это, и он продал бы их Рите Скитер, если бы - Годрик, она могла это предсказать - мужчина не проголосовал бы за то, чтобы не нанимать ее. Она стояла и ошеломленно смотрела на пергамент, пока слова не поплыли у нее перед глазами. Должно быть, произошла какая-то ошибка. Малфой не был бы таким... таким черствым.

Гермиона с замиранием сердца поняла, что он так и сделает. Она и раньше была свидетельницей его безжалостности в бизнесе. Несмотря на довольно плохой отцовский пример и некоторую тревогу

в подростковые годы Малфой так и не вырос жестоким человеком. Но он был совершенно целеустремлен в своей преданности своей компании и защищал ее вместе с людьми, которые на него работали, без капли милосердия. И теперь, для Гермионы, все было так ужасно кристально ясно. Она была для него всего лишь деловым человеком.

Для него это никогда не могло быть ничем иным, кроме бизнеса. Неважно, как усердно она

для него работала. Неважно, что они разделили прошлой ночью. И он был готов саботировать ее действия - разрушить ее шансы в Министерстве, - чтобы она никогда не смогла уйти. Она еще раз перечитала записи, дрожа от растущего негодования. Он солгал ей в лицо, и она ему поверила. Она тоже поцеловала его. Таков был план? Соблазнить ее, отвлечь, пока он дергал за ниточки на заднем плане?

Она посмотрела на него, блаженно спящего, совершенно не обращая внимания на гнев, стекающий по ее спине, как капли ледяной воды. Ей хотелось верить, что он изменился. Что он

может ставить других выше себя. Но он этого не сделал. Он не мог. И она... что ж, она была просто глупой, доверчивой дурочкой, которая вкладывала свое сердце, разум и душу во все, что делала, и действительно уже должна была понять, что некоторые люди

просто не заслуживал этого. Ну, не более того. Малфой воспользовался ею в последний раз. Она быстро, бесшумно упаковала свою сумку, руки дрожали от подавляемого адреналина.

Ей хотелось хлопнуть дверью, швыряться вещами, кричать и бушевать, но она заставила себя

сохранять спокойствие, прикусив язык, пока собирала одежду и туалетные принадлежности. К счастью, убирать было особо нечего; она никогда не была так благодарна за свою унылую жизнь.

возможность упаковать только то, что ей было нужно. Малфой все еще спал, когда она вышла из комнаты - она дважды проверила, трижды перепроверила, - но она чувствовала себя на взводе, когда спешила вниз, в вестибюль. Ее все еще трясло, но, похоже, она мало что могла с этим поделать. Месье Даймон стоял за стойкой регистрации, выглядя удивительно изысканно для столь раннего часа. Сегодняшний вельветовый пиджак был темно-сливового цвета с галстуком-бабочкой в тон. Он с теплой улыбкой посмотрел, как она спускается по ступенькам, но, увидев ее, выражение его лица стало встревоженным.

"Мадам?" - спросил он с беспокойством. "С каждым ребенком все в порядке?" Она уронила свою сумку на блестящий мраморный пол.

"Нет", - сказала она. "Мне нужно домой". Месье Даймон выглядел пораженным.

"Мадам?"

- Мне нужно домой, - повторила она, и ее голос был ломким, как будто он мог сорваться.

"Пожалуйста, не могли бы вы организовать трансфер в аэропорт?"

- Твой портключ назначен на сегодняшний вечер, - начал он, но запнулся, когда ее лицо исказилось. "Мадам?"

- Я знаю, - она с трудом сглотнула. - Я... мне жаль. Но я не могу ждать. Мне нужно уходить прямо сейчас." Он потянулся к телефону, чудесно украшенному приспособлению, которое зазвенело, когда он набирал номер.

- Конечно, мадам. Я пошлю за машиной." Гермиона чуть не растаяла от облегчения. Это было все, что она могла сделать, чтобы держать себя в руках - что она и сделала, жестко и единственно справедливо. Она сжала губы, все тело напряглось,

борясь с внезапным приливом эмоций. Она бы не заплакала. Не из-за Малфоя. Ее гордость не позволила бы этого. Ее внутренняя борьба, должно быть, была ясно написана на ее лице,

потому что любезный менеджер отеля на мгновение остановился, чтобы осмотреть ее, и на его лбу появилась озабоченная складка.

"Я надеюсь, дома все в порядке?" - обеспокоенно спросил он. Его очевидная забота о ней застряла у нее в горле, и она кивнула, не в силах говорить.

- А что насчет месье Драко? - мягко спросил он. "С ним все в порядке?"

Она быстро заморгала, чувствуя, что пришла в себя. "Не плачь", - яростно приказала она себе. Не смей плакать.

"Да", - сказала она. Но месье Даймон был слишком проницателен. Он печально покачал головой.

- Что он натворил, а? - сказал он, поднося телефон к уху. "Возможно ли простить?" Гермиона вспомнила гавань, когда Драко посмотрел на нее сверху вниз с такой теплотой, с таким желанием и сказал ей, что хотел, чтобы она была счастлива. Она подумала о том

первом поцелуе, страстном и быстром, а потом, позже, в ее гостиничном номере, голодном, но неторопливом, почти нежном. Руки, языки и губы повсюду. А потом она подумала об этих трех письмах - угрозе, взятке и шантаже - и не смогла примирить мужчину, который так страстно поцеловал ее, с мужчиной, который

уничтожил ее. Она не верила, что когда-нибудь сможет это сделать.

"Нет", - сказала она. "Я так не думаю

". ...

Даймонт, очевидно, понял необходимость быстрого бегства, потому что машине потребовалось всего несколько минут, чтобы прибыть. Поездка в аэропорт была короткой, но Гермиона ехала по окраине Старого Порта. Зрелище этого - рестораны и бары, теперь темные и закрытые, лодки, вяло дрейфующие в заливе, - наполнило ее разум воспоминаниями о прошлой ночи. Это заставило ее сердце болезненно сжаться в груди, и она была рада, когда они оставили белые паруса и сверкающую воду далеко позади.

Такси высадило ее в аэропорту как раз вовремя, чтобы она успела забронировать билет на следующий рейс в Лондон. Цена была почти грабительской, и она не была уверена, что Малфой возместит ей расходы, но она протянула женщине свою магловскую дебетовую карту без малейших колебаний. Однако, когда она вставляла булавку, ей стало немного не по себе. Это были большие деньги для человека, который, возможно, только что бросил свою работу. Она поспешила сдать багаж и встать в очередь на досмотр, практически испытывая зуд от нетерпения. Было еще рано, но аэропорт был переполнен, и она ни за что на свете не опоздала бы на этот самолет. Малфой, должно быть, уже проснулся. Он бы увидел, что ее там нет. Он увидит, что она опустошила комнату. Он видел скомканные куски пергамента, обвиняюще разложенные на туалетном столике. Он бы догадался, куда она ушла. Если нет, то он скоро узнает об этом от месье Даймона. Было бы слишком ужасно, если бы он пришел за ней; она продолжала параноидально оглядываться через плечо, стоя в очереди, чтобы убедиться, что он этого не сделал. Прохождение строгих проверок безопасности в основном отвлекало ее мысли, но как только она оказалась на другой стороне, ей ничего не оставалось, как ждать. Она нашла укромный уголок и стояла в одиночестве, не сводя глаз с неоновой таблички вылета и отсчитывая минуты. Мир суетился вокруг нее - смеющиеся отдыхающие, сосредоточенные бизнесмены и

, что хуже всего, обнимающиеся парочки, - но звуки были каким-то образом приглушены, как будто она находилась под водой.

В тот момент, когда ее ворота открылись, она вылетела - первая в очереди, первая в самолете. Она не расслаблялась до тех пор, пока двери не закрылись и самолет не вырулил на взлетно-посадочную полосу. Откинув голову на спинку сиденья, она позволила своим влажным глазам закрыться.□

Она была в безопасности. Она сбежала. Малфой не пришел за ней, а если бы и пришел, что ж, он упустил ее. Ей было интересно, о чем он подумал, когда проснулся в пустой постели, в пустой комнате. Она почувствовала укол вины за то, что не оставила ему записки, но отогнала его. "Он оставил ей троих", - с горечью подумала она. Ее место было у окна, и она пристально смотрела, как улицы и здания Марселя становились все меньше и меньше под ней. На самом деле это было скорее терапевтическим действием, как будто она оставляла все свои проблемы позади. Конечно, на самом деле худшее было еще впереди - утро понедельника и возвращение Малфоя мрачно маячило на горизонте - но это было приятно, просто

на мгновение притвориться, что ее личная и профессиональная жизнь только что не превратилась в бушующий огненный шар. Как она могла быть такой глупой? Черт возьми, она должна была быть блестящей. Но, похоже, даже у самых умных ведьм были свои слабости, и у нее они проявлялись в потрясающем сочетании серебристых глаз, сарказма и волос цвета звездного света. Она попыталась немного поспать во время полета, но в самолете было шумно, а вокруг нее - еще больше, и она не могла придумать, как отключить бесконечный поток самообвинений, кружащийся в ее голове подобно снежной буре. Все это, казалось, накапливалось в замкнутом пространстве, душило ее почти до гипервентиляции, и она была рада, когда они наконец приземлились в Хитроу. Даже если бы шел дождь как из ведра. Она с несчастным видом прошла таможенный и паспортный контроль. Никто не вышел ей навстречу, поэтому она сразу вышла на улицу, чтобы поймать такси. Она не сомневалась, что в конечном итоге окажется

сильно раскололась, если бы попыталась аппарировать куда-либо в своем нынешнем состоянии. Теперь, устроившись на заднем сиденье просторного черного такси, она уныло смотрела сквозь запотевшее окно на серое небо и море темных зонтиков. Ее волосы и пальто были влажными от

дождя, и она чувствовала, как он оседает на шее и просачивается на манжеты.

Поездка была неприятно долгой, хотя сейчас была середина утра и утренний час пик давно миновал, но в конце концов такси остановилось на улице Гриммо.

Место. Гермиона не смогла смириться с возвращением домой в пустой дом. Ей нужно было обняться и хорошенько выплакаться, и она отчаянно надеялась, что Джинни будет рядом, чтобы дать ей

это. Так и должно быть; она не работала в пятницу. Гермиона, спотыкаясь, поднялась по ступенькам и постучала в дверь. Долгое время все было тихо. Она почувствовала, как горячие слезы подступили к ее глазам. Теперь она промокла до нитки, дрожа на

пороге, уверенная, что никогда в жизни не была более несчастной - и это о чем-то говорило, учитывая, что она провела месяцы в палатке с двумя замученными

мальчики-подростки. Она постучала снова, на этот раз громче, и затем, к счастью, она услышала эхо движения глубоко внутри старого дома.

"Я иду, я иду", - позвала Джинни, ее голос был приглушен тяжелой дверью. Мгновение спустя Гермиона услышала, как повернулась задвижка, а затем дверь распахнулась.

"Гермиона!" - спросила Джинни, оглядывая свой потрепанный вид широко раскрытыми от удивления глазами. "Мерлин, Гермиона, в чем дело?" Гермиона открыла рот, чтобы сказать ей, но вид ее подруги, ее очевидная забота и беспокойство, а также ожидание утешительных объятий, которые вскоре последуют, оказались слишком сильными. Она разрыдалась.

<http://tl.rulate.ru/book/66723/2829364>